

И. И. МЕЩАНИНОВ

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

В курсах, затрагивающих основные разделы общего языкознания, ставится первоочередным заданием внесение систематизации в обильный своим разнообразием языковой материал. В этих целях внимание обращается на социально обусловленный звук (фонема), на грамматически оформленное слово с его определенным значением и выполняемой функцией, а также на сочетания слов в законченном построении предложения. Каждая из этих сторон языка в отдельности и все они в своей совокупности могут лечь в основу проводимых классификаций языкового материала.

Учение о фонеме (фонетика), взятое в отдельности как особый раздел учения о языковой структуре, дает классификацию звуков по их физиолого-акустическим свойствам. Фонемы также противоплагаются одни другим, но с учетом их вхождения в состав слова. Тем самым фонемы рассматриваются или каждая в отдельности, или в составе высшей для них единицы, каковой является слово.

Что касается самого слова, то оно выделяется своей грамматической формой и своим же содержанием лексической единицы. То же можно сказать и о сочетаниях слов, когда они получают единое лексическое значение (сложное слово, композита). Все наличные слова равным образом рассматриваются и как отдельные выделяемые грамматически оформленные единицы с им соответствующим содержанием, и как занимающие определенное место в составе другой, высшей для них единицы — предложения. Последнее образуется использованием выступающего в нем состава слов. Оно насыщается содержанием законченного высказывания, которое может быть передано даже одним словом. Отношения между словами в предложении устанавливаются действующими законами синтаксиса.

При выражении этих отношений кроме лексических и синтаксических единиц выделяются также морфологические единицы. Ими устанавливается как форма слова, так и форма самого предложения. В первом случае морфема определяет построение слова как лексической единицы. Во втором — морфема выступает средством передачи тех отношений, которые через членение предложения переносятся на выступающие в нем слова. Здесь морфема, оказываясь оформителем того же слова, включает его в состав синтаксической единицы. Эта последняя использует в своих построениях различные средства, закрепляющие связь между словами. Именное склонение, глагольное спряжение, а также не без основания добавляемые сюда же Ж. Вандриесом ударение, интонация и местоположение¹ являются той материальной основой, которая широко используется синтаксическим строем и без которой остается невыполнимой сама передача существующих отношений, обуславливающих строение всего предложения. Тем самым устанавливается значение морфологической единицы, участвующей в построениях как слова, так и предложения. Морфемы с лексическим назначением служат для строения слов. Морфемы с синтаксическим назначением оформляют слова, устанавливая их положение в предложении.

¹ Ж. Вандриес, *Язык. Лингвистическое введение в историю*, М., 1937, стр. 80—82. Относимые им к числу морфем такие приемы, как интонация и местоположение, можно было бы в отличие от морфем, оформляющих само слово, именовать синтаксемами.

Носителями морфем и в том и в другом случаях остаются сами слова. Двойственность назначения морфем в их отмечаемых разновидностях объединяет их в выделяемом разделе (морфология). В синтаксическом строе предложения морфология занимает свое определенное место, выступая выразителем передаваемых в предложении отношений между его членами, представленными соответствующими словами и их сочетаниями¹.

Таким образом, учение о слове (с его морфологически установленным строением) и учение о предложении (с используемыми в нем средствами морфологии) выделяются как самостоятельные, но взаимно связанные разделы. Слово выступает в предложении, выполняя в нем определенное синтаксическое назначение. Лексическое содержание слова сочетается, таким образом, с его синтаксическим использованием, осуществляемым в предложении. Здесь выступают уже не одни только отношения между словами, но также и отношения между словом и предложением, передаваемые средствами морфологии. В итоге выделяются лексические, морфологические и синтаксические единицы, вступающие в свои взаимные связи.

Разновидности слов, привлекаемых по их лексическому значению для выполнения синтаксической функции, распределяются по частям речи (лексические единицы). Построение отдельно взятого слова в его лексическом и синтаксическом оформлении дает возможность выделять его составные части (морфемы). Их сопоставления ложатся в основу морфологической классификации. Отношения между самими словами возникают в той синтаксической группировке, которая образуется построением предложения. Здесь слова вступают в отношения друг с другом потому, что основные элементы самого предложения вступают между собой в свои отношения: их выразителем служит привлекаемый для того словарный состав языка. В связи с этим слово оказывается в позиции определенного члена предложения (синтаксической единицы).

В центре внимания до последнего времени продолжает оставаться слово с его звуковым составом, лексическим значением и положением в предложении². Благодаря преимущественному вниманию исследователей к слову оказались наиболее обследованными фонетика и морфология. Менее затронутым остается само предложение. О нем говорится в описании строя каждого изучаемого языка там, где приводится обзор положения слова в строении предложения. Тем самым дается остов его структуры. Все же такой обзор ограничивается пределами отдельно взятого языка и составляется в интересах лишь его изучения. Задача выяснения деталей синтаксической типологии в их сравнительных сопоставлениях тут не ставится. Сводного обзора особенностей синтаксического строя разнородных языков пока еще не имеется.

¹ Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, имеются в виду языки с развитым морфологическим строением. В языках аморфных для передачи тех же отношений между членами предложения используются свои синтаксические приемы, лишь частично привлекаемые в языках с морфологическим строем, а в аморфных получающие ведущее значение в построении всего предложения. Сюда относятся местоимение, примыкание и др., которые можно было бы именовать синтаксемами. Выполняя в строе предложения те же функции, что и морфемы, они, в отличие от морфем, имеют одностороннее синтаксическое содержание. Связанные с членением предложения, передающим те же предикативные, атрибутивные и объектные отношения, они сохраняют связь с лексическим составом только в его синтаксическом использовании. Тем самым части речи в этих языках ставятся в особое положение за счет усиливающегося значения членов предложения.

² Ср. O. B e h a g h e l, *Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung*, Bd. I — *Die Wortklassen und Wortformen*, Heidelberg, 1923. В этом труде членение предложения приводит не к членам предложения, а к частям речи, которые выступают в предложении. Остается примерно та же схема, какую дает Н. В. Крушевский (см. «Прибавление. Предмет, деление и метод науки о языке» в его кн. «Очерки по языковедению. II. Антропософоника», Варшава, 1893): выделяемые им разделы лингвистики сводятся к фонетике, морфологии и синтаксису; последний раздел ограничивается учением о флексии (см. там же, стр. 44).

Между тем различные отношения между предикатом и субъектом, лежащие в центре структуры предложения, не дают единой схемы ни в самих отношениях, ни в их грамматическом оформлении. Сказуемое может согласоваться не только с подлежащим, но и с дополнениями, получая их показатели (ср., например, многочисленные языки Кавказа). Подлежащее ставится не только в именительном падеже, но и в косвенных (ср. в ряде тех же языков, а также в языках чукотской группы, в эскимосских). Разные падежи получает подлежащее при переходных и непереходных глаголах (ср. в тех же языках). Выделяется особый падеж активного производителя (древний урартский, современные картвельские). Падеж подлежащего может зависеть от степени активности действующего лица (бабийский язык), но может зависеть и от семантики глагола (аварский язык). Субъектно-объектные отношения при отсутствии склонения имен могут получать свое выражение в одной только глагольной аффиксации (абхазский). Имеются языки с аморфной передачей отношений между членами предложения, выработавшие другие способы их грамматического выражения, и т. д.¹

В языках аморфного строя выступают различия в оформлении существующих отношений не между словами, а между ими передаваемыми членами предложения. Используемые тут слова являются лишь носителями этих отношений и выражают их своими грамматическими формами. Получающиеся расхождения в грамматических формах слова вполне закономерны. Они обусловлены действующей системой каждого изучаемого языка с ему свойственными грамматическими приемами построения слов, выступающих в соответствующих членах предложения. От этих же приемов зависит и наличный в языке морфологический строй, обслуживающий данную синтаксическую конструкцию. Общим остается само членение предложения, тогда как синтаксические отношения внутри него со способами их грамматической передачи не дают единой схемы.

При всем получившемся разнообразии передаваемых отношений между членами предложения и при всех разновидностях применяемых для этого грамматических форм все же удается отметить имеющиеся схождения в способах выражения синтаксических отношений. Эти схождения дают возможность проводить синтаксические группировки как по самим способам передачи отмечаемых отношений сходными построениями слов, так и по сопоставляемым языкам, сближаемым по их синтаксической конструкции. Уточнение положения того или иного способа выражения синтаксических отношений в строе языка путем использования сравнительной типологии разносистемных языков углубит исследование всего языкового строя и обогатит выделяемое оформление слова за счет изучения его обуславливающих синтаксических форм. Тем самым строение языка окажется взятым и по морфологическим, и по синтаксическим показателям. Но последние еще нуждаются в дополнительном анализе для выяснения выступающих в них группировок. В интересах общего учения о языке предстоит к существующей морфологической классификации присоединить недостающую классификацию по синтаксическим приемам построения предложения².

¹ Выступающие тут расхождения вовсе не ограничиваются одними грамматическими формами. Даже отношения между членами предложения неодинаковы во всех языках. В аварском падеж подлежащего зависит от семантики глагола, выражающего сказуемое. В индоевропейских языках такой ярко выраженной зависимости не наблюдается. Все эти расхождения обусловлены различием языковых систем и потому непосредственно связаны с языковым материалом. Обзор самого материала частично дается мною в работе, ²подготавливаемой к печати.

² Г. Глиниц, приступая к членению предложения в немецком языке, выделяет в нем *Stellungsgliedern* в которые включаются также и синтаксические группы (см. H. G l i n z, *Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik*, Bern, 1952). Предлагаемая им схема в применении ее к языкам разных систем могла бы лечь

Языковой материал, привлекаемый в нашей статье для характеристики отмеченных выше основных построений слова и предложения, относится к различным системам языков. Широко применяемые здесь сопоставления берут из разных языков то, что их объединяет только в части морфологии и синтаксиса. Лексика и тем более фонетика привлекаются тут лишь частично, поскольку это зависит от целевой установки проводимого исследования. Такому их обособленному изучению противопоставляется группировка языков по сложившимся цельным системам (генеалогическая классификация), которая распределяет языки по семьям, устанавливая общие для них показатели, свидетельствующие о родственных между ними связях.

Фонема участвует в образовании слова. Последнее выступает в строе предложения. Все эти три единицы, сохраняя свое значение, остаются в каждом языке тесно связанными друг с другом. Объединение этих языковых единиц образует цельную систему, ею устанавливаются ведущие лексические и грамматические категории изучаемого языка, которые в системе языка выступают в объединении¹. Путем сравнения ряда языков по их характеризующим признакам проводится распределение этих языков по группам, которые, таким образом, строятся не по отдельно взятым грамматическим категориям и не на сличении одного только лексического состава, но на их совокупности, вскрывающей наличные расхождения между языками и одновременно их же схождения по основным структурам сопоставляемых систем.

Связь, существующая между лексическими и грамматическими категориями, наиболее ясно выделяется именно в такой сложившейся системе отдельно регистрируемого языка. Этим объясняется то преимущественное положение, которое занимает сравнительно-исторический подход, выясняющий содержание сложившейся системы и положенный в основу проводимых группировок языков по генеалогической классификации. Только генеалогическая классификация дает возможность такого комплексного подхода к изучаемому материалу. Одной лишь фонетики и отдельно взятой лексики или грамматики с обособленным подходом к морфологии и синтаксису оказывается далеко недостаточно для даваемой характеристики каждого отдельно изучаемого языка: он выделяется среди других языков именно сложившейся совокупностью этих своих сторон. В свою очередь слагаемые части такого комплекса получают ему присущие свойства. ими характеризуется данный язык и та группировка, которая устанавливается сравнительными сопоставлениями языков, близких по своей структуре. Изучение строя каждого отдельно взятого языка замыкается здесь в его собственном материале, который вовсе не выступает представителем конструктивной схемы, единой для всех языков мира. Всестороннего охвата разновидностей морфологии и синтаксиса генеалогическая классификация сама по себе дать не может.

Фонетика, морфология и синтаксис получают свои классификации по образуемым в них системам. Такая их классификация не совпадает с генеалогической. Как известно, в основу всех классификаций ложатся определенные системы, привлекаемые к их изучению и описанию. Генеалогическая классификация имеет в виду систему данного языка в ее целом, объединяя все три указанные выше раздела строения языка. Морфологическая и синтаксическая же рассматривают каждый из разделов строения языка в отдельности. Цельной системе сложившегося языка с его лексикой, фонетикой, морфологией и синтаксисом противопоставляются системы этих

в основу синтаксической классификации с условием учета тех разновидностей отношений и выражающих их грамматических форм, какие выступают в каждом изучаемом языке.

¹ Лексические и грамматические категории могут рассматриваться также каждая в отдельности; в таком виде они обычно и излагаются в описаниях соответствующих грамматик, но связь, существующая между ними, при этом не устраняется.

же его основных отделов. Различная целевая установка обуславливает различный подход к самому материалу. Собираемый для генеалогической классификации, он ограничивается кругом языков, сближаемых по всему их строю. Материал, сосредоточиваемый для морфологической и синтаксической классификации, ограничивается их собственными построениями и прослеживает их в языках самых различных группировок.

По отдельно взятым фонетическим, морфологическим и синтаксическим категориям могут сходиться и неродственные языки. (Ср., например, языки с эргативным строением предложения, использующим разные падежи подлежащего в зависимости от переходности и непереходности действия. Сюда включаются языки Кавказа, чукотской группы и эскимосские дальнего Севера, баскский в Испании, индейские в Америке и ряд других.) Путем широкого охвата языков выясняются основные категории фонетики, морфологии и синтаксиса. Сводные по ним работы используют соответствующие разделы грамматик языков, группируемых генеалогической классификацией, и уточняют содержание этих разделов. Морфологическая и синтаксическая классификации не заменяют собою генеалогической, но дополняют ее, выясняя сравнительными сопоставлениями структуру изучаемого языка в его морфологических и синтаксических построениях.

Решающим в исследовательской работе остается анализ материала в его всестороннем освещении. Его не даст ни одна из упомянутых выше классификаций. Из них генеалогическая, ближе всего стоящая к комплексному анализу языковой конструкции, ограничена охватом языков, родственных по своему строю. Подход к строю языка благодаря этому получается односторонним. Между тем каждый язык отличается от другого, даже близко родственного, своими особенностями грамматических построений, выявить которые можно только типологическими сопоставлениями. Но эти сопоставления не нужно ограничивать случайно взятыми сравнениями грамматических форм.

Типологические сопоставления приводят к соответствующим классификациям морфем и синтаксических построений. И эти классификации, при широком охвате ими языков, все же остаются замкнутыми односторонним подходом или к морфологическим, или к синтаксическим единицам: положение, занимаемое той или иной единицей в комплексе языкового строя, тут не дается. Такие классификации становятся необходимыми в исследовательской работе, но они получают свое практическое применение при учете данных также и генеалогической классификации. Тем самым устанавливается тесная связь между отмеченными выше классификациями.

*

В сводных обзорах, где делаются попытки установить структуру языка, наиболее сложными и наименее изученными остаются те отношения, которые существуют между лексическими единицами и синтаксическими, в частности между частями речи и членами предложения. Слово выступает в предложении. Последнее разбивается на синтаксические группировки — ведущие в построении предложения (предикативные) и включаемые в состав первых (атрибутивные и объектные). В них используются соответствующие по своему значению слова, лексически распределяемые по частям речи. Тем самым лексическое содержание слова ставится в связь с его синтаксическим использованием. Слово, относимое к определенной части речи, оказывается в позиции соответствующего члена предложения. Как часть речи, так и член предложения, несмотря на существующую между ними связь, выступают каждый со своим значением¹.

¹ См. об этом: К. F. В е с к е r, *Organism der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik*, Frankfurt am Main, 1827; Н. P a u l, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, Halle a. S., 1937; Н. G l i n z, *Geschichte und Kritik der Lehre von den Satzgliedern in der deutschen Grammatik*, Bern, 1947; е г о ж е, *Die innere Form des Deutschen*, и др. Критический обзор высказываний о классификации членов предложения

Слова, попадающие в словарь, определяются в нем по своему собственному содержанию и иллюстрируются показом их использования в предложении, тогда как члены предложения устанавливаются его же строем и, в свою очередь, иллюстрируются в грамматиках соответствующими примерами с привлекаемым для того составом слов. Тем самым части речи вступают во взаимные отношения с членами предложения, не сливаясь в одну общую для них грамматическую категорию. Лексическая единица и синтаксическая не поглощают одна другую, хотя и воздействуют друг на друга. Это не приводит к единству лексической единицы с синтаксической, хотя части речи и выступают в членах предложения¹.

Лексические и синтаксические единицы не отождествляются даже тогда, когда их объединяет общее содержание. Предметное и атрибутивное значения присущи как частям речи, так и членам предложения. Имя существительное содержит предметное значение, тогда как прилагательному свойственна передача атрибутивного. Такое же различие противопоставляет подлежащее определению. Части речи, используемые в предложении, выступают в его членах и в тех группировках, которые объединяют члены предложения. Выступая в предложении, слово может соответствовать по своему значению тому содержанию, какое имеет член предложения, включающий в свой состав это слово, но наблюдаются также отдельные случаи значительных расхождений; к примеру, сказуемое обычно передается глаголом (вербальное сказуемое), но в качестве того же члена предложения может выступать и имя (именное сказуемое) и т. д.

Относительная свобода использования слова в членении предложения, возможность помещения слова в необычной для него синтаксической позиции указывают на известную степень самостоятельности выступающих в предложении лексических и синтаксических единиц. В связи с этим усложняются функции словоизменятельных морфем. Они, оформляя соответствующее слово, устанавливают в то же время и его положение в предложении. Тем самым морфемы становятся в связь и с лексическими, и с синтаксическими единицами. Выполняя двоякое назначение, такие морфемы могут в зависимости от действующей языковой системы закрепляться не только за частью речи, определяя ее синтаксическое положение, но и за самим членом предложения, в котором выступает та или иная часть речи.

Такую связь частей речи с членами предложения, из которых и то, и другое сохраняет свое самостоятельное значение, можно проследить в любой структуре языка. Везде член предложения обуславливает грамматическую форму выступающей в нем части речи, остающейся всегда носителем этой формы, поскольку член предложения не может выступать вне передачи его соответствующими словами. Все же отношение самих морфем к лексическим единицам различно в разных языках: оно устанавливается строем языка. В тех языках, где части речи, выступая в предложении, получают свое морфологическое оформление, морфемы сохраняют лексико-синтаксическое значение. В тех же языках, где в построениях предложения члены его выделяются своими морфемами, последние получают одно-стороннее синтаксическое назначение. Для примера остановимся на предикативном построении именного сказуемого, привлекая материалы различных языков.

Именное сказуемое получает различные построения, что подтверждается сравнительными сопоставлениями языков разных систем. Это дает ос-

см.: П. И. Поллер, О системах членения предложения в зарубежной грамматической литературе (Критический обзор), сб. «Проблемы изучения языка», М., 1957; T. Milewski, [ред. на книги:] I. I. Mieszczaninow, Prace M. J. Marra o języku; I. I. Meščaninow, «Nové učení o jazyku» v SSSR v jeho současné vyvojové fázi; И. И. Мещанинов, Глагол, «Lingua poznaniensis», I, Poznań, 1949, стр. 303—335; J. Knobloch, La situation actuelle de la linguistique soviétique, «Lingua», vol. III, 2, 1952.

¹ См. об этом также F. Slotty, Wortart und Wortsinn, TCLP, 1, 1929.

нование ближе подойти к выяснению того содержания, какое вкладывается в морфемы, используемые для выражения этого сказуемого. Выполняя одну и ту же функцию в его составе, словоизменительные морфемы занимают в нем различное положение. Оно зависит от действующей системы каждого изучаемого языка. В одних языках предикативные морфемы оформляют глагольную связку, в других — само имя, что ставит эти морфемы в различные отношения к члену предложения и к тем частям речи, которые в нем выступают.

В индоевропейских языках носителем предикативных показателей при именном сказуемом остается связка. Выступающий тут вспомогательный глагол, сочетаясь с именем, оставляет само имя без этих показателей. Таким образом, морфемы, относимые к парадигмам спряжения, остаются в названных языках вербальными показателями и тем самым закрепляются за соответствующей частью речи (глаголом и вербальной связкой в именном сказуемом). Само имя если здесь и изменяется в своем морфологическом составе, то все же по тем нормам, по которым изменяются именные формы вне сказуемого. Имя в составе сказуемого может склоняться (ср. *Он был хорошим учеником*). Синтаксические морфемы связываются тут с выступающими частями речи.

Иное положение занимают такие же показатели лица и времени в тех языках, в которых имя в сказуемом может само оказаться носителем предикативных морфем, получая их в своей собственной аффиксации. В кабардинском, например, имя в составе сказуемого спрягается так же, как глаголы состояния; ср. в настоящем времени: *Сы-щыс-щ* «Я сижу», *У(ы)-щыс-щ* «Ты сидишь», *Щыс-щ* «Он сидит»; *Сы-щГалэ-щ* «Я юноша», *У(ы)-щГалэ-щ* «Ты юноша», *ЩГалэ-щ* «Он юноша». Как глагол состояния, так и именное сказуемое получают одинаковую грамматическую форму: в префиксах стоят личные местоименные показатели, в конце поставлен предикативный суффикс *-щ*. Такое же совпадение форм глаголов состояния и именного сказуемого прослеживается и в других временах; ср. в прошедшем I (завершенном): *Сы-щыс-а-щ* «Я сидел (сел)», *У(ы)-щыс-а-щ* «Ты сидел», *Щыс-а-щ* «Он сидел»; *Сы-щГэл-а-щ* «Я был юношей», *У(ы)-щГэл-а-щ* «Ты был юношей», *ЩГэл-а-щ* «Он был юношей» (перед предикативным суффиксом *-щ* стоит показатель времени *-а-*); в будущем I: *Сы-щысы-н-у-щ* «Я буду сидеть», *Сы-щГалэ-н-у-щ* «Я буду юношей, стану молодым» (к показателю «безвременной» формы *-н-* прибавляется показатель времени *-у-*).

Употребляясь в качестве других членов предложения (не в составе именного сказуемого), имя получает в кабардинском языке падежные окончания: *ЩГалэ-м тхылгы-р йы-тх-а-щ* «Юноша письмо написал» [подлежащее стоит в форме косвенного падежа на *-м*, выступающего здесь в значении эргативного, прямое дополнение поставлено в прямом падеже. Переходный глагол имеет в префиксе притяжательное местоимение 3-го лица ед. числа (*йы*), в суффиксе выступает показатель времени *-а-* (прошедшее I) и предикативный показатель *-щ*. В качестве показателей лица в глаголах состояния используются личные местоимения, в которых 3-е лицо — нулевое]; *ЩГалэ-р щыс-а-щ* «Юноша сидел» (при глаголах состояния подлежащее становится в прямом падеже). В последнем примере глагол *Щыс-а-щ* «Он сидел» имеет ту же грамматическую форму, как и именное сказуемое *ЩГэл-а-щ* «Он был юношей».

Именное сказуемое в этих построениях резко отличается от такого же сказуемого в индоевропейских языках, в которых имя, даже в составе сказуемого, может сохранять нормы именного склонения. В кабардинском, наоборот, само имя может присоединять предикативные показатели и тем самым получать грамматическую форму, общую для него с непереходными глаголами и глаголами состояния: *Сы-кгу-а-щ* «Я пошел», *Сы-щыт-а-щ* «Я стоял», *Сы-щакгу-а-щ* «Я был охотником».

В приведенных примерах ясно выступает оформление частей речи по

соответствующим членам предложения. Одни и те же слова склоняются в позиции подлежащего и спрягаются в сказуемом: *Мы-лажсэ-р — хуэмыху-ц* «Неработающий — лодырь» (подлежащее имеет префикс отрицания *мы-* и суффикс прямого падежа *-р*; сказуемое оканчивается на предикативный суффикс *-ц*). Те же два слова, переставленные в членении того же предложения, получают в подлежащем падежное окончание, а в сказуемом — его предикативную аффиксацию: *Хуэмыху-р — мы-лажсэр-ц* «Лодырь — работающий» («Лодырь — это тот, кто не работает»)¹. Подлежащее имеет свое оформление, так же как и сказуемое. Выступающие тут морфемы оказываются показателями не части речи, а члена предложения. Такая грамматическая форма обусловлена в приведенных примерах выделением сказуемого интонацией и паузой. Более ясно эта же предикативная форма выступает в одночленном предложении, где в самом сказуемом уже передается законченное высказывание; ср. для примера сочетание придаточного предложения с главным, представленным одним сказуемым: *Сэ квалэм сы-цы-кгуэ-кIэ, сы-цIэл-а-ц* «Когда в город я ездил, я был юношей». Причастная форма глагола в придаточном предложении получает суффикс *-кIэ* и префикс места *-цы-*, помещенный после показателя 1-го лица (*сы-*). В главном предложении стоит именное сказуемое указанного выше построения.

В таких предложениях можно переставлять сочетаемые в них слова. Они получают грамматическую форму по тому члену предложения, в функции которого они выступают: *ЩIалэ-м тхылгы-р эзыт-а-р егъэд-жакгуэ-р-ц* «Юноше книгу подаривший — (это) учитель». Первое имя стоит в косвенном падеже (*-м*), второе имя и причастие прошедшего времени (на *-а-*) действительного залога поставлены в прямом падеже (*-р*); сказуемое имеет суффикс определенности *-р* и за ним — показатель предикативности *-ц*. Ср. *Егъэджакгуэ-м тхылгы-р эзыт-а-р цIалэ-р-ц* «Учителю книгу подаривший — (это) юноша» (ср. тот же пример со сказуемым в прошедшем времени: *Егъэджакгуэ-м тхылгы-р эзыт-а-р цIэл-а-ц* «Учителю книгу подаривший был юноша»); *Егъэджакгуэ-м цIалэ-м йырит-а-р тхылг-ц* «Учителем юноше подаренное — (есть) книга». Оба имени существительные стоят в косвенном падеже (*-м*), причастие страдательного залога получает иную префиксацию (*йы-ри-*), именное сказуемое сохраняет суффикс предикативности *-ц*. Ср. фразу с именным сказуемым в прошедшем времени: *Тхылг-а-ц* «Была книга», а также предложение с вербальным сказуемым: *ЩIалэ-м тхылгы-р йытх-а-ц* «Юноша книгу написал»².

В том же кабардинском языке такие же сочетания слов могут выступать с иным членением. Из двух приведенных выше предложений, придаточного и главного, образуется одно двучленное, в котором придаточный оборот обращается в комплекс подлежащего, а главное одночленное предложение становится сказуемым. Здесь именное сказуемое представляет собой сочетание имени со связкой. В таком двучленном предложении морфемы получают другое назначение. Имя как вне сказуемого, так и включенное в его состав сохраняет за собой падежные окончания, тогда как предикативные показатели сосредоточиваются в вспомогательном глаголе: ср. вербальное сказуемое в двучленном предложении: *Еджакгуэ-р тх-а-ц* «Ученик писал» и именное сказуемое в двучленном предложении: *Тхылгы-р зытх-а-р еджакгуэ-р цыт-а-ц* «Письмо написавший ученик был»³; *Мылажсэ-р хуэмыху-р ар-ц* «Неработающий лодырь тот есть». Именное сказуемое в этих двучленных предложениях получает сложное построение и состоит из имени и связки, каждое из которых имеет свою грамматическую форму. Показатели предикативности переносятся на связку.

¹ См. Н. Ф. Яковлев, Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М.—Л., 1948, стр. 12, 40, 44—47.

² Глагол имеет в префиксе местоименный показатель 3-го лица ед. числа *йы-*.

³ В причастиях выступает префикс отношения *зы-*.

Освобожденное от них имя подчиняется именному склонению. Оно ставится в том же падеже, как и подлежащее (оба стоят в прямом падеже на *-р*). Морфемы предикативности остаются за вербальной единицей, передаваемой вспомогательными глаголами *ыт-а-ц* «был», *ар-ц* «тот есть»¹.

В таких конструкциях предложения имена противопоставляются глаголам по самому своему морфологическому оформлению. Склонение сохраняется за первыми, спряжение — за вторыми. Здесь словоизменительные морфемы относятся уже к частям речи. Всё же эти последние, получая свои парадигмы склонения и спряжения, используют их в соответствии с теми членами предложения, в которых они выступают (подлежащее ставится в эргативном и прямом падежах в зависимости от переходности и непереходности действия, прямое дополнение стоит в прямом падеже и т. д.). Такие морфемы выполняют синтаксические задания. Тем самым связь частей речи с членами предложения сохраняется и тут².

Части речи сохраняют свое значение как при закреплении за ними соответствующих морфем, так и тогда, когда морфемы приурочиваются к определенным членам предложения. Части речи остаются теми же. Кабардинское *егэджак/цэриц* «это учитель» является именем существительным в предикативной форме. Получив показатель сказуемости, слово не перешло в другую часть речи, а осталось в пределах той же. Его грамматическая форма подчинилась члену предложения, в функции которого слово выступает.

Такое же их положение сохраняется и тогда, когда словоизменительные морфемы закрепляются за самими частями речи, когда имена склоняются, а глагол спрягается. Их оформляющие морфемы оформляют также и соответствующий член предложения, передавая те отношения, которые устанавливаются между словами в структуре предложения. В именительном падеже индоевропейских языков ставится имя, выступающее подлежащим, в винительном падеже стоит прямое дополнение и т. д. Приурочиваемая к слову морфема здесь не только не отрывается от синтаксического назначения, а наоборот, она появляется для выполнения этого назначения. Тем самым перед исследователем ставится задание уточнить отношения, существующие между частями речи и членами предложения и обуславливающие различное положение привлекаемых для этого морфологических единиц. Единой для всех языков схемы этих отношений не существует.

Лексическая единица присоединяет к своему лексическому содержанию соответствующее синтаксическое значение в соответствии с тем, каким членом она оказывается в строе предложения. Значение слова тем самым уточняется. Его содержание варьируется в своих оттенках в зависимости от положения слова в предложении и от той функции, какую оно в нем выполняет, но само слово как лексическая единица остается тем же.

Определение, в функции которого обычно выступает прилагательное, может передаваться также и существительным (ср. русск. *изделия из камня*, франц. *mouchoir de soie*, казах. *тас уй* и др.). Существительное, оказавшись в позиции члена предложения с атрибутивным значением, остается тем не менее в пределах той же части речи с ее предметным содержанием, получая атрибутивное значение лишь в определенной синтаксической группировке. Так же и прилагательное субстантивируется и при этом переходит в другую часть речи не тогда, когда выступает подлежащим. Оно и тут сохраняется в той же части речи, используемой в иной синтаксической позиции, в ином члене предложения. Оно субстантивируется синтак-

¹ В состав вспомогательного глагола *арц* входит указательное местоимение 3-го лица *ар* «тот».

² См.: «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», М., 1957, стр. 171—174; Г. Турчанипов, М. Чагов, Грамматика кабардинского языка, I, М.—Л., 1940, стр. 115, 143—145, 148; Б. М. Кардапов, Глагольное сказуемое в кабардинском языке, Нальчик, 1957, стр. 17, 29—38, 52—54, 131—137.

сически, но не лексически. Прилагательное переходит в другую часть речи, в разряд имени существительного, когда оно превращается в лексико-морфологическую единицу, имеющую предметное содержание (ср. *столовая* и *столовая посуда*).

Переключение слова из одной части речи в другую, связанное также и с синтаксическим его использованием, происходит не в строении самого предложения, а в выделяемом составе лексики. Такой переход имеет место внутри самих частей речи. Слово *столовая* становится именем существительным, потому что за ним закрепляется предметное, а не атрибутивное значение; противопоставление указанных значений осуществляется в этом случае не членами предложения, а частями речи. В этом новом значении *столовая* выступает как лексическая, а не как синтаксическая единица. Рассматриваемое слово сохраняет это значение и тогда, когда включается в сочетания слов, образующих строй предложения со своим собственным членением. Лексические и синтаксические единицы здесь не отождествляются, а сопоставляются.

Члены предложения отличаются своей устойчивостью как определенные синтаксические единицы, различные во всех языках, несмотря на разнообразие их систем. Члены предложения, выделяемые в разных языках, могут различаться по тем отношениям, которые устанавливаются между ними в каждом языке, но само членение предложения по лежащим в его основе предикативным, атрибутивным и объектным отношениям остается тем же. Для передачи этих отношений используются соответствующие члены предложения, сохраняющие везде закрепленное за ними значение. Части речи устойчивы как лексические единицы. Но они при своей основной функции могут выполнять второстепенные, выступая в разных членах предложения. Части речи могут в связи с этим давать новые образования в самой своей классификации, отвечая структуре данного языка (ср. «категория состояния» в русском), и получать в каждой системе языка присущие ей особенности.

Тем самым обуславливается взаимная связь членов предложения и частей речи. Первые из них могут использовать разные части речи. Последние могут выступать в различных синтаксических позициях. Этим устанавливается устойчивость синтаксических единиц при устойчивости лексических только в их лексическом содержании, но не в их же синтаксическом употреблении. Слово может изменяться в своем лексическом содержании, образуя новую лексическую единицу. Оно же может занимать разное положение в строении предложения. Имеют место лексические деривации с образованием нового слова (куда включаются также отмеченные выше переходы из одной части речи в другую) и синтаксические деривации с различным использованием лексического значения слова в построении самого предложения, что имеет место при выступлении слова во вторичных для него синтаксических позициях с сохранением его в составе той же части речи. Тут же знаменательное слово может приобретать служебное назначение¹.

Таким деривациям подвергаются не синтаксические единицы, а лексические. Слово, получив новое содержание путем словообразовательных морфем, становится новой лексической единицей (лексическая деривация). Слово, включенное в состав предложения, остается той же лексической единицей, хотя может выступать в качестве разных членов предложения. Получается синтаксическая деривация в использовании одной и той же лексической единицы. Части речи вступают здесь в различные отношения с членами предложения, что и закрепляет указанные деривации за лексическим составом языка.

Такой подход к строению языка вновь приводит к тем отношениям, которые устанавливаются между словом (лексической единицей) и предло-

¹ Ср. об этом: J. K u r y l o w i c z, *Dérivation lexicale et dérivation syntaxique (Contribution à la théorie des parties du discours)*, BSLP, t. XXXVII, fasc. 2, 1936.

жением (синтаксической единицей). Лексический состав языка разбивается на слова, результатом группировки которых оказываются части речи. Предложение разбивается на свои членения, которые в его построениях могут передаваться как одним словом, так и сочетанием слов, образующим синтаксические группы. В предложении *Хорошая лошадь быстро бежит* выступают группа подлежащего и группа сказуемого. В этих группах выделяются ведущий (главный) член и его дополняющий (второстепенный). В приведенном выше предложении передаются отношения между ведущими членами предикативной группы (подлежащим и сказуемым) и отношения между ее членами (атрибутивные группы, представленные сочетаниями ведущих членов с определением и обстоятельством). Выразителями этих отношений выступают использованные в предложении слова¹.

Наличные здесь слова выступают в соответствующих членениях предложения, в основу которых ложатся не эти слова, а те отношения между самими членами предложения, выразителями которых являются используемые слова. Поэтому подход к членению предложения должен исходить из него самого. Выступающие в нем слова с их грамматическим оформлением остаются его материальной основой, по которой устанавливаются связи между отдельными членами предложения².

¹ См. также: O. Jespersen, *Language. Its nature, development and origin*, London, 1925; его же, *The system of grammar*, London — Copenhagen, 1933; И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, М.—Л., 1945; H. G l i n z, *Die innere Form des Deutschen*.

² См. также: Л. В. Щерба, *Очередные проблемы языковедения*, ИАН ОЛЯ, 1945, вып. 5; J. V e n d r u e s, *La comparaison en linguistique*, BSLP, t. XLII (1942—1945), fasc. 1, 1946.